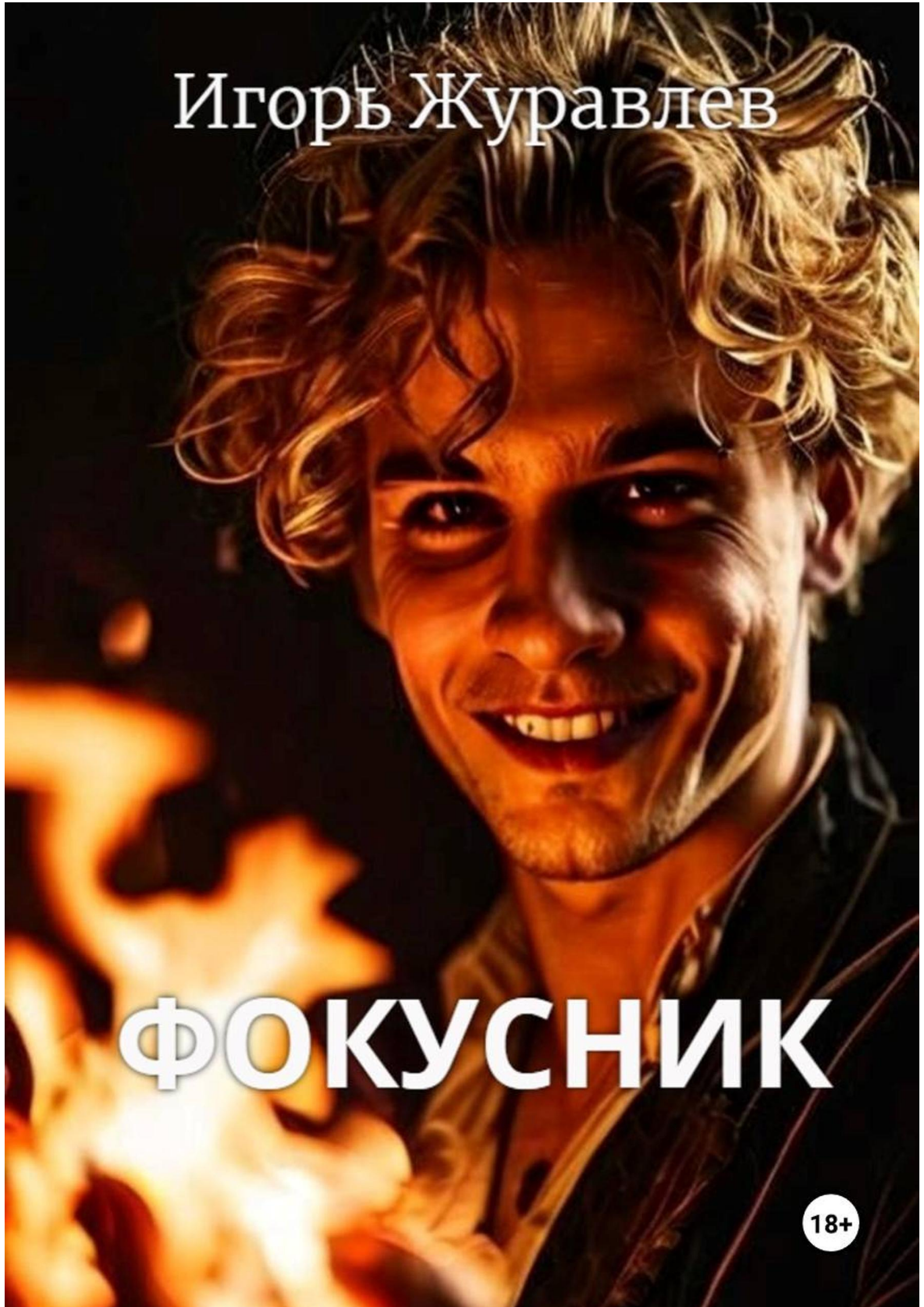

A close-up portrait of a man with curly, light brown hair and a slight smile, looking directly at the camera. He is wearing a dark jacket over a patterned shirt. The background is dark with bright, out-of-focus orange and yellow flames or fire on the left side, creating a dramatic, high-contrast lighting effect.

Игорь Журавлев

ФОКУСНИК

18+

Игорь Журавлев

Фокусник

«Автор»

2026

Журавлев И.

Фокусник / И. Журавлев — «Автор», 2026

Он не человек. Такие как он, называют себя - адамы. В отличие от людей эволюции, у них есть душа и дар от Демиурга. Вот и пройдена вторая ступень дара, теперь он Фокусник. Третья книга цикла "Адамы".

© Журавлев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

(Бытие 7:17-20)	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Игорь Журавлев

Фокусник

*«И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею; вода же усиливалась и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод. И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом; на пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы
».*

(Бытие 7:17-20)

Пролог

Посреди красивого сада, в тени деревьев — фруктовых и просто лиственных, было не жарко. Да еще легкий ветерок, дувший словно бы из ниоткуда и сразу во всех направлениях, нежно ласкал лица сидящих в удобных плетеных креслах молодых людей, собравшихся за большим столом под пышно цветущими кустами сирени самых разных оттенков: от кипенно-белого до темно-фиолетового и почти черного. Странно, если задуматься, сейчас совсем не время для сирени, она давно отцвела, вот только место, где собрался Совет адамов империи, периодически менявшей свое название от Киевской Руси, Новгородской республики, Московского царства, Российской империи, Советского Союза и до Российской Федерации, что нисколько не отражалось на сути этого древнего государственного образования, было очень простым.

Все собравшиеся за этим столом были Фокусниками, причем Фокусниками очень опытными, давным-давно перешедшими на эту ступень дара Демиурга. А потому и само место, где раскинулся этот красивый дом и роскошный сад, найти было практически невозможно, если не знать, как, когда и где сюда можно пройти. Его защищала от посторонних глаз невероятно качественная иллюзия. А реальное расстояние-то до этого места было совсем пустяшным, не более десятка шагов из любого места Срединного мира, вот только пройти это расстояние могли лишь такие, как они: во-первых, адамы, во-вторых — Фокусники, в-третьих, только те из перечисленных существ, у кого был доступ. Ну и, конечно, те, кого они захотят сюда пригласить. Могли, конечно, пройти адамы более высоких ступеней посвящения, вот только таких в Срединном мире не было. Кроме одного, но собравшиеся, как им казалось, приняли серьезные меры, чтобы единственный в этой реальности Гений ничего не узнал.

Местечко было совсем небольшим: дом, сад и лужайка у прозрачного пруда, в котором плавали разноцветные рыбки, а больше здесь ничего и не было, на этом клочке рукотворного мирка, затерянного в складках пространства и времени. Но ничего больше и не было нужно, поскольку место сие предназначалось исключительно для собраний Совета и решений текущих вопросов. Как сегодня, например.

Пожалуй, самое время представить собравшихся, без всяких сомнений, заслуженных и выдающихся адамов последнего как минимум века, а как максимум... да кто ж его знает? Председатель собрания выглядел как молодой мужчина в возрасте между двадцатью пятью и тридцатью годами: высокий, стройный, спортивный, с густыми светло-русыми волосами. Звали его Евгений Шуйский. Впрочем, все присутствующие выглядели молодо, были спортивными и стройными, так что об этом в дальнейшем можно даже не упоминать, за исключением, пожалуй, одного адама по имени Георгий и по фамилии Воротынский. Он единственный выглядел старше остальных, лет минимум на десять и был, не то чтобы толстым, вовсе нет, но и до спортивной подтянутости его фигура недотягивала, а небрежно зачесанных назад темных волос, пожалуй, давненько не касалась рука парикмахера.

Третьим был Иван Оболенский, старинный друг Игоря Виноградова, Гения и отца нашего героя. Можно даже сказать, друг-соперник, когда-то надеявшийся получить благосклонность Лидии, мамы нашего героя, но она отдала предпочтение другому. Нельзя сказать, что с тех пор между приятелями пробежала черная кошка, по крайней мере, внешне это никак не проявлялось, и Иван был даже свидетелем со стороны жениха на свадьбе, но некоторая неловкость все же присутствовала. Несмотря на молодость, выглядел Иван очень солидно, трудно сказать, почему именно такое впечатление складывалось у всех, кто его видел.

Последнего мужчину в совете звали Михаил Голицын, и был он ничем особым не примечателен, кроме, пожалуй, страсти к спортивным пиджакам. Говорят, у него для таких пиджаков, свозимых со всего света, выделена специальная комната в доме. И это притом, что никаким спортом он сроду не занимался, да и спортивным болельщиком никогда не был. Вот и сейчас на нем был спортивный пиджак темно-синего цвета с непонятной эмблемой то ли университета, то ли спортивного клуба, то ли просто для красоты.

Три девушки, представлявшие в Совете прекрасную половину сообщества адамов России, как и остальные, принадлежали к старинным российским фамилиям, ведущим свою родословную, если верить Общему гербовнику Российской империи, еще от Рюриковичей и Гедиминовичей, а на самом деле, намного более древние, были прекрасны и лицом, и телом, как только могут быть прекрасны настоящие Фокусницы, ведь иллюзию Фокусника невозможно отличить от реальности никаким образом, если только ты не адам высшей ступени посвящения.

Но моложе всех смотрелась, безусловно, Татьяна Барятинская, ей никто не дал бы больше двадцати — двадцати одного года, и если бы она была обычной человеческой девушкой, ей следовало всегда иметь при себе паспорт, чтобы как-то подтверждать в магазине свой возраст, захоти она купить там, скажем, баночку энергетика. Конечно, Татьяна по магазинам типа «Пятерочки» или «Магнита» никогда не ходила, да она вообще по продуктовым магазинам не ходила, не хватало ей еще думать о том, кто и из чего готовит для нее пищу!

Есть мнение, что между ней и председательствующим Евгением явно что-то было в прошлом, ну, недаром же она периодически бросала на него презрительные взгляды, и время от времени фыркала на его высказывания. Впрочем, на это уже давно никто не обращал внимания, скорее, удивились бы, заговорили они друг с другом по-приятельски.

Дальше шла великолепная Наталья Волконская, неизменная зачинщица всех заговоров в империи еще со времен предпоследнего царя. Ходят слухи, будто за ней ухлестывали и Ленин, и Дзержинский, последний, говорят, даже подрался из-за нее с Борисом Савинковым накануне октябрьского переворота. Наталья была характера легкого и по первому впечатлению даже поверхностного, однако мало кто знал, что за образом легкомысленной вертихвостки скрывается один из величайших умов современности, правда, направленный почему-то всегда на разрушение, а не на созидание. Тем не менее Наташе прощали всё на свете, ну как можно обижаться на эту тонкую девушку с огромными, удивленно смотрящими на мир глазами подростка!

Ну и последний член совета — Екатерина Воронцова и все, что о ней можно было сказать, заключалось в одном восхищенном вздохе — чудо как хороша! За одну только благосклонную улыбку Воронцовой было время, мужчины стрелялись по два, а то и по три раза в день, дуэльщики стояли в очередь — не успевали отгременить выстрелы первой пары, как уже на позицию заходила следующая. За разрешение поцеловать ручку спускались миллионные состояния, по копейке собираемые поколениями предков еще в тех, полновесных царских деньгах, и даже кончали с собой, получив отказ. О таких говорят: роковая женщина, и умные мужчины всегда предпочитали держаться от нее подальше, вот только много ли тех умных, особенно когда гормоны полностью блокируют разум, а предмет твоих страданий целая Фокусница! Как сказал поэт, правда, по другому поводу, но в точку: иных уж нет, а те далече.

Сегодня в Совете рассматривался только один вопрос, уже какое-то время бывший неизменной повесткой дня всех их встреч: что делать с молодым Виноградовым, с безумной по обычным меркам скоростью взлетающим по ступеням благодати и бравшим один дар за другим, словно таская конфеты из буфета бабушки?

— Можешь объяснить, что случилось? — обратился председатель Евгений Шуйский к Волконской.

Та было захлопала своими огромными ресницами и раскрыла удивленные глаза девочки-девятиклассницы, но вовремя опомнилась, взгляд потускнел и теперь, если бы кто заглянул в ее глаза, очень удивился несоответствию между глазами много повидавшей на своем долгом веку женщины, и лицом юной красавицы. Впрочем, так они могли позволить себе расслабиться только среди своих, да и то далеко не всегда.

— Я не понимаю, — развела руками Наталья, — все шло отлично. Он не мог в ближайшее время перешагнуть на ступень Фокусника. Этот дурак-печник крепко его приложил, он уже был почти в моих руках!

— Но? — нахмурился Евгений.

Волконская смутилась и тихо ответила:

— Но он стал Фокусником прямо там... и... что мог сделать даже не аватар, а лишь тупая проекция против полноценного Фокусника?

Шуйский сделал паузу и тихонько уточнил:

— То есть, ты не справились с пустячным поручением?

Наталья вспыхнула и задрала подбородок вверх:

— Не смей упрекать меня! Это ты виноват во всем!

Евгений даже дар речи потерял на мгновение от такого нелепого обвинения, а остальные заинтересованно переглянулись, лишь Татьяна одобрительно хихикнула. Наконец, Шуйский справился с удивлением и холодно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду? — Наталья театрально взмахнула руками. — Только то, что Олег явно не один, здесь точно не обошлось без его папаши Геня. Ну, не может адам с такой скоростью двигаться по ступеням дара Демиурга! Вот я и думаю: а не специально ли ты подставил меня?

Евгений лишь удивленно поднял бровь и покачал головой, весь его вид выражал недоумение, словно говоря: да как тебе такое в голову могло прийти?

На этот раз под кустами сирени тишина повисла надолго. Каждый думал об одном и том же: дар Геня кардинально отличается от дара Мага больше, чем дар Мага от дара Фокусника, а тот от первых двух ступеней посвящения — Скульптора и Лекаря. Поскольку, если даже могущественный Маг — это все еще дар Демиурга адему, то Гений — это уже даже не адам, а существо высшего порядка, по сути — полубог, согласно древней религиозной терминологии. В изначальной религии адемов Гении считались полубогами. И если Игорь ведет сына согласно своему плану, то можно ли вообще с их силами противостоять его замыслу? А главное — нужно ли? Вот в чем главный вопрос! И этот вопрос, висевший в воздухе, озвучил Иван Оболенский:

— Уважаемые Фокусницы и Фокусники, уверены ли вы в том, что мы поступаем правильно, пытаясь остановить Олега?

— А ты считаешь, — скрипуче поинтересовался Георгий Воротынский, — что твой дружок спасет тебя в случае пришествия Демиурга?

— Я считаю, — веско и, как всегда, солидно ответил Иван, — что мы упускаем важный момент. С чего мы взяли, что именно появление второго Геня провоцирует возвращение Демиурга? Что, если все ровно наоборот: Гении появляются тогда, когда Творению грозит опасность? Что, если они — это такая защитная функция Веера?

— Ваня, ты, правда, думаешь, что Демиург чего-то не знает? А даже если бы он и не знал о такой защите, то однажды с ней столкнувшись, неужели в следующий раз не учтет ошибку? — Екатерина Воронцова смотрела прямо на Оболенского.

— Кто его знает, вдруг и для Творца существуют какие-то ограничения, которые он не может преодолеть? — пожал плечами тот. — Например, даже у всемогущего по определению иудео-христианского Бога, согласно их вере, есть некоторые ограничения.

— Что я слышу? — взмахнула руками Татьяна Барятинская. — Иван, я удивлена, ты веришь в старые сказки об Эль Шаддае?

— Я лишь предполагаю, что у Мастера тоже могло быть свое начало, и если это так, то должен быть и предел.

— Не пори чушь! — не выдержал доселе спокойно слушавший обмен мнениями Евгений. — Только не хватало в своих решениях опираться на древние ереси! Нам еще от первых после Катастрофы членов Совета, наших предшественников, дан наказ пресекать появление двух Гениев одновременно любыми — слышишь? — любыми способами, дабы не привлекать внимание Демиурга. Ты считаешь, что они чего-то не понимали? Я напому: в отличие от нас они были Магами, то есть знали и понимали об устройстве Универсума побольше нас всех, вместе взятых.

— Но, друзья! — воскликнул Иван. — Неужели вы сами не видите противоречия? Если Демиург всеведущий, то есть, знает всё, как он может не помнить о Веере до появления двух Гениев?

Все смотрели на него, и в глазах этих старых, несмотря на видимую молодость и красоту тел, существ, можно было заметить разные эмоции — от удивления до разочарования. Что, в принципе, было понятно, поскольку Иван ничего нового не сказал, но вот позицию свою проявил достаточно четко. Другое дело, что у присутствующих были личные планы, и теперь каждый из них размышлял о том, как все использовать наилучшим образом для собственной пользы. Тишина повисла надолго, адамы переглядывались, но молчали.

Наконец, Михаил Голицын, поставив на стол пустой бокал, с некоторым даже презрением в голосе произнес:

— Мы здесь словно крысы, прячась ото всех, пытаемся обсуждать за глаза участь не просто адама, а выдающегося адама современности, каких не видывали ни мы, ни отцы наши, ни деды. О таких, как он мы знаем лишь из старых преданий, которыми зачитывались в детстве. Никто из нас, самых сильных адамов Срединного мира, не смог дорасти и до Мага, хотя все знания предков для нас открыты. И вот теперь, когда такой адам появился, что делает Совет? — Обсуждает его устранение! Вы тут вообще нормальные? Или понятие чести для вас лишь пустое слово?

Михаил встал, одернул модный спортивный пиджак и спокойным, даже несколько холодным тоном произнес:

— Я не собираюсь участвовать в этом заговоре. Более того, я намерен сообщить Олегу Виноградову о том, что вы здесь замышляете. А если получится, и его отцу Игорю. Честь имею!

И князь покинул собрание. Остальные проводили его задумчивыми взглядами, так ничего и не ответив на его высокопарную отповедь. Молчание висело некоторое время, пока не было нарушено Татьяной Баратынской:

— Я все сделаю, друзья, на этот раз щенок Виноградов не уйдет.

— Будь осторожнее, Татьяна, — отозвался Евгений Шуйский.

— Я всегда осторожна, — усмехнулась та в ответ и отсалютовала бокалом.

Глава 1

Что может Фокусник? Понятно, не те бедолаги из людей, что с помощью ловкости рук или технических приспособлений зарабатывают себе на хлеб, а настоящий Фокусник из чистых адамов? Я ломал голову над этим вопросом, будучи Лекарем, когда следующий дар только еще начинал во мне просыпаться, показывая то одну, то другую свою сторону, то и дело меняя свое мнение. И лишь теперь, когда дар во мне утвердился окончательно, начинаю понимать, ну или мне кажется, что начинаю понимать границы возможного (или дозволенного?).

Итак, Фокусник, как выяснилось, это даже не полноценный дар, а лишь некая переходная ступень на пути к дару Мага, хотя на этой ступени можно застрять на всю жизнь, так и не решившись сделать следующий шаг. Фокусник не может творить настоящие чудеса, он всего лишь непревзойденный мастер ментальных иллюзий. Именно ментальных, поскольку иллюзия — это то, чего нет объективно, но субъективно вполне реально для тех, кто вовлечен в иллюзию. Для них иллюзия становится самой настоящей реальностью. И как здесь не вспомнить учение о майе в индийской религиозной философии, ведь майя является иллюзией не потому, что она лишена бытия, а потому что она — преходящая. Человек из-за своего неведения строит в уме ложное представление о существующем мире, такое представление о мире и является майей. По сути, то же самое делает Фокусник, его иллюзия меняет представление человека о том, что его окружает и кем он сам является, притом, что объективно мир не меняется, иллюзия не нарушает законов природы.

Вот где настоящая граница: если Маг, насколько я сейчас это понимаю, может преступать или даже менять законы, положенные Демиургом для Веера миров, пусть и на относительно ограниченном пространстве, то Фокусник действует строго в рамках этих законов. Правда, как выяснилось, законы мироздания гораздо шире тех рамок, в которых живет человечество Срединного мира, не подозревая пока, что многое, кажущееся сейчас невозможным, на самом деле вполне возможно, просто к пониманию этого надо еще прийти, и путь может оказаться длинным. Тем не менее рамки законов существуют, они достаточно жесткие и непреодолимые для Фокусника. И здесь, конечно, был облом, когда я понял, Фокусник — это все же именно фокусник и все его «чудеса» лишь иллюзии. Но зато, какие иллюзии!

Например, я могу создавать аватара — по сути, копию самого себя, жаль, лишь ментальную, и подселать ее к любому существу, либо в качестве второго я, что человек будет ощущать как внутренний голос, полностью доверяя ему, или вообще заменять чужое сознание, делая человека или даже адама своей послушной марионеткой, степень автономности которой зависит от, скажем так, настроек, заданных Фокусником. То есть, я могу настроить так, что без моего управления тело будет просто лежать, не в состоянии пошевелить пальцем и ни о чем не думая. А могу сделать тонкую настройку, когда человек по-прежнему будет ощущать себя самостоятельной личностью и не ощущать никакого контроля, но при этом поступать так, как надо мне, думая, что это его собственный выбор.

Могу обходиться без аватара, создавая проекции сознания, направленные на определенное существо и управляющие им так, чтобы оно действовало самостоятельно, но в соответствии с полученными инструкциями. Могу творить массовые иллюзии, опять же, для ограниченного числа людей и на ограниченном пространстве, но, скажем, какое-нибудь небольшое поселение погрузить в иллюзию полностью в моих силах, пусть и не очень надолго. Вообще, чем больше объектов иллюзии, тем она меньше держится.

Ну и, конечно, могу объединять свое сознание с сознанием одного или нескольких человек или адамов нижних степеней посвящения, либо из неполноценных семей (так называемых — не чистых адамов), чувствуя все, что чувствуют они, читая все их мысли и желания как

открытую книгу. Но это уже самый простой фокус, открывшийся мне при первых проявлениях дара (как там, интересно, Светка-царица поживает, скучает по мне?).

А, с другой стороны, и это самое главное, что меня прям, таки поразило, оказывается, дар Фокусника является итоговым даром первого плана посвящения, а это значит, что по его достижении для адама вновь открывается и дар Скульптора, и дар Лекаря, только на более высоком уровне. Говоря проще, я вновь могу лепить и лечить, но использую теперь для этого новый вид, а, точнее, как я сейчас понял, новое свойство единой энергии творения, как ее ни называй в разных формах ее проявления. Эту форму я назвал энергией майя, просто чтобы как-то отличать от тех форм единой энергии, что открывались мне на предыдущих ступенях дара.

Поэтому, когда я объявил Котельниковой, что в принципе могу опять лепить, она чуть не завизжала от восторга.

— Зря радуешься, — охладил ее пыл. — Я не собираюсь больше заниматься лепкой, по крайней мере, ставить это дело на поток. Если только по желанию, так сказать — из любви к искусству. Ну, или для друзей, например, тебе я не откажу точно, если захочешь что-то у себя исправить или переделать. Но лепить, как раньше точно не буду.

— Почему? — ошарашенно уставилась на меня Светлана.

— Мне это больше не интересно, — пожал я плечами.

Ну а что? Могу себе позволить! Я больше не тот наивный парнишка, решивший срубить бабла на открывшихся способностях.

После коронации Вилоры и шикарных празднеств по этому поводу, мы с ребятами вернулись, наконец, в Срединный мир. Еще чуть хмельные наутро после грандиозного по своему масштабу пира, полные впечатлений и воспоминаний, которых нам точно хватит надолго.

Ее Величество королева Вилора I изволила щедро одарить нас. Я, например, стал князем, и в том мире ко мне следовало обращаться теперь «ваша светлость», что, конечно, прикольно. За мною даже были закреплены довольно обширные земли на побережье, соответствующие новому статусу, оставленные пока под опекой трона, но если бы я захотел когда-нибудь поселиться в том мире, то сразу мог вступить во владение, что было гарантировано соответствующей бумагой, точнее — грамотой. Мои парни стали баронами и тоже обзавелись кое-какой земелькой. Я даже честно предложил им остаться, но они, посоветовавшись, сообщили, что пока воздержатся.

— Мужики, — сказал я им тогда, — то есть, прошу прощения, ваши милости!

На что те глуповато заулыбались, а я продолжил:

— Если считаете, будто что-то мне должны, то вы, конечно, правильно считаете: вы мои должники. Но прямо сейчас я официально снимаю с вас все долги и обязательства передо мной. Поэтому с чистым сердцем можете оставаться здесь, считаю, вы это заслужили и больше не обязаны таскаться за мной, охраняя мою тушку. А учитывая мои новые возможности, в этом, возможно, вообще нет никакого смысла. От чего-то человеческого я способен защититься сам, а от высшего вы меня все равно не спасете. Я вас, конечно, не гоню и, будь на то ваше желание, готов даже увеличить жалованье, но оно вам надо, сами подумайте? Здесь вы бароны, землевладельцы, уважаемые люди, более того, сама королева благосклонна к вам, ведь вы ее ученики! А кто вы там, в Срединном мире? — Обычные телохранители, если говорить прямо — расходный материал при любом покушении на охраняемое тело. Я-то выйду сухим из воды, а вот вы, возможно, нет.

В общем, дал им время до утра, когда планировал уходить, а всю последующую ночь мы гуляли, да весь дворец гулял — пир же! Ух и оторвались мы с Василием, я, если честно,

под конец уже плохо все помнил, утомившись лишь под утро. Очнувшись в покоях дворцового Лекаря, числящихся пока еще за мной, с трудом вспоминая, как здесь оказался, а ребята, насколько успел заметить, ушли еще раньше и не одни. Конечно, нашлись охотницы за неокольцованными пока баронскими телами, что, конечно, вполне понятно и даже я бы сказал, естественно. Ну, сами посудите: у кого-то в семье невеста на выданье, пары подходящей нет, а здесь молодой, здоровый, богатый, перспективный, да еще и с титулом свободный мужик! Ну, как не подсуется, потом ведь себе не простишь! Дело вполне житейское, это беспородный и бедный Вася Пупкин никому не нужен, а тут целый барон!

Я же спал один и был этим чрезвычайно доволен. Проснувшись ближе к обеду, нашел парней расположившимися в креслах и на диванчиках в гостиной лекарьских апартаментов. На мой немой вопрос ответил Серега:

— Зря ты, командир, двери не запираешь на ночь, мало ли кто мог зайти.

Я только крикнул, признавая его правоту, а что здесь скажешь? Какие запоры, если я не помню, как дошел? С другой стороны, не думаю, что хлипкие замки на дверях смогли бы остановить злодеев, появившись у таковых желание проникнуть внутрь.

В общем, ребята сообщили, что, посоветовавшись и все тщательно обсудив (когда успели?), решили они пока остаться со мной, а там видно будет. Я не очень их, если честно понимал, они же простые люди, а жизнь человеческая коротка и конечна, почему бы не пожить в свое удовольствие? Что им сразу и высказал. На что ответил мне уже Женя Евдокимов:

— Да какие из нас землевладельцы, командир? У баронов тоже, насколько я понимаю, деньги с неба не сыпятся. Надо заниматься хозяйством, вникать во все, искать и нанимать специалистов, опять же, народом гражданским в баронстве как-то управлять... Не, это не наше, мы же солдаты. Поговорили тут с Мироном, он обещал найти человека, что выкупит наши земли за хорошую цену, а на вырученные деньги мы и в Срединном мире можем совсем неплохо устроиться. Да и вообще, чужие мы здесь, ничего не знаем, ну его!

Я подумал и признал, что ребята правы, действительно, какие из них бароны? Ладно, титул, но ведь к нему и земли прилагаются, а они, кроме как воевать, больше ничего и не умеют. Хотя могли бы, наверное, наняться на военную службу, думаю, с их опытом реальных боевых действий, офицерское звание им обеспечено. Но говорить ничего не стал, уверен, они эту возможность и без меня уже обсудили.

В общем, перекусили мы на дорожку и, следуя за выделенным нам проводником, отчалили домой, в привычный и понятный с детства Срединный мир. На прощание Вилора шепнула, что тот ее клочок земли, где когда-то мы с ней встретились, она оставляет за мной. Не то чтобы дарит, нет, но вход в тот мирок останется для меня открытым. Я подумал и решил, что это точно не будет лишним, мало ли как жизнь повернется и нужно будет надежное место, где можно отсидеться? Поблагодарил королеву от души, тепло распрощался с Мироном, обнялся с Василием, и мы ушли домой. А по дороге думал, что, получается, переспал уже с двумя королевами, одна даже целая императрица, вот это я ухарь-молодец!

Подумал еще немного и усмехнулся: с какой стороны посмотреть, если, например, с женской, то я, можно сказать, переходящий из рук в руки флаг — кому понравился, та и схватила, ведь никого из них я сам не выбирал, это они решили мной воспользоваться. Впрочем, а разве у нас, в Срединном мире было как-то иначе? Самая первая моя девушка Ирина, по сути, попользовалась мной и моим даром, да и свалила к другому. А если бы не было у меня никакого дара?

Да и всем остальным потом, с кем бы я ни делил постель, когда был еще Скульптором, нужен был не я, а мой дар. Вот, та же Котельникова, снизошла бы со своих заоблачных высот в постель к нищему с ее точки зрения, ничем не выдающемуся хирургу из муниципальной больницы? Да она таких просто не замечает. Я уже молчу о Светке-царице, которой придумал смешное прозвище, лишь бы не думать о том, что был для нее лишь очередной игрушкой,

положенной по статусу. О Вилоре нечего и говорить: папа привел к одинокой даме непутевого сыночка, грех не воспользоваться оказией, ведь на безводье и рак рыба!

Тьфу ты, блин, вот, нафига мне такие мысли, от которых настроение портится? Нет, лучше уж я буду считать себя героем-любовником, покорителем женских сердец, мимо которого ни одна красавица не может пройти спокойно, чтобы не втюриться по уши! Вранье, конечно, но приятное. Или не вранье, а просто точка зрения, угол восприятия.

Котельникова аж взвилась от моих слов.

— Да что ты говоришь такое, Олег! Как это неинтересно? Причем здесь вообще интерес, это же бизнес, громадные деньги! Ты только представь, сколько мы можем заработать! В мире куча богатых престарелых баб, которые мечтают отдать нам свои деньги за такие возможности!

Вот зачем я, спрашивается, сказал ей, что опять способен лепить, хвостун несчастный? Может, стереть у нее последние пять минут из памяти? А что, это не нарушает никаких законов природы, чисто медицинская операция. Подумал и отказался от этой идеи, может, и правда, пригодится.

— Скажи, Светлана, — спросил я, — зачем тебе столько денег? Ты же уже сейчас наверняка долларовая мультимиллионерша? Я вот, например, не знаю, на что можно потратить те деньги, что уже заработал.

— Это потому что ты не вкладываешь их в дело, и они лежат у тебя на счетах мертвым грузом! Завтра грянет какая-нибудь очередная реформа или революция, и ты лишишься всего, в нашей стране такое уже не раз проворачивали. Пойми, Олег, на определенной ступени деньги перестают быть просто средством для купли-продажи, а бизнес из способа зарабатывания бабла сам по себе превращается в увлекательную игру, в которой есть место и мудрым комбинациям, и риску, будоражащему кровь. Круче большого бизнеса, пожалуй, только большая власть, вот где самые крупные ставки!

— Что наша жизнь? — Игра! — пропел я, нещадно фальшивя.

Она только улыбнулась и покачала головой. Но от своего не отступилась:

— Ну, хорошо, давай так, — Светлана сделала вид, что задумалась. — Оставим только разовое полное омоложение и увеличим прайс, скажем, вдвое против прежней цены. Поверь, это сразу же станет многим не по карману даже из богатых людей, но останутся те, пусть и немногие, готовые расстаться даже с такими деньгами. Ну, Олег, разве тебе самому это неинтересно, а? Я сейчас не о деньгах, а о процессе превращения старухи в молоденькую красотку? Это же настоящее волшебство!

Я подумал и понял, что хоть Котельникова и пытается играть на моих чувствах, но ведь я на самом деле немного скучаю по тем временам, когда под моими руками послушная, как хорошо размятая глина плоть принимала нужную мне форму, и махнул рукой:

— Ладно, уговорила, языкастая! Так и быть, но только не вздумай опять поставить лепку на поток, как это было раньше! Я откажусь, а тебе потом перед не самыми последними людьми оправдываться.

— Как скажешь, так и будет! Я такой прайс взвинчу, что только самые богатые смогут себе позволить, а таких не очень много, — уверила меня Котельникова, пряча хитрые искорки в глазах. Вот ведь, опять бабы из меня веревки вяют! Но напарница и не думала останавливаться на достигнутом.

— Но ведь лечить ты не откажешься, правда? У нас опять образовалась небольшая очередь.

Я вздохнул, подумал и понял, что лечить больше точно не хочу. И моральная сторона здесь совершенно ни при чем. Кто-то скажет: да, ты не сможешь помочь всем, но хотя бы

несколько жизней можешь спасти или облегчить! И этому кому-то я даже отвечать не буду, не буду спорить и что-то доказывать. Я для себя этот вопрос давно закрыл: люди смертны и подвержены болезням, так устроен наш мир. Как бы я ни лечил, человек опять заболеет, а в конце умрет. Спасение мира от страданий не моя задача, я не Мать Тереза. Здесь я очень кстати вспомнил критику Матери Терезы и ее собственные сомнения, когда-то этот вопрос меня сильно заинтересовал. Она писала в письме своему духовнику: «Я чувствую себя потерянной. Господь не любит меня. Бог может не быть Богом. Возможно, его нет». Вот так вот! А все почему? — Потому что слабая человеческая женщина взвалила на себя непосильную ношу и чуть не надорвалась. Нет, я так не хочу. Поэтому ответил твердо:

— Всех, кто записался до сегодняшнего дня, приму. Но на этом все, хватит мне и кремлевских старцев, от которых так просто не отделаешься.

Котельникова вздохнула, прищурившись, посмотрела куда-то вверх и не стала настаивать, сделав вид, что согласилась. Уверен, она еще не раз повторит свои попытки, а то я ее не знаю!

Глава 2

Я потягивал кофе, глядя на струящуюся за окном кафешки толпу, и настроение у меня было просто отличное, можно сказать — великолепное у меня было настроение. За окном светило солнышко, наше, земное, родное, можно сказать! Люди за окном куда-то спешили, ярко одетые девушки привлекали минимализмом в одежде и белозубыми улыбками. Хорошо, когда лето, тепло и нет дождя! В кои-то веки сам себе господин и могу проводить время, как мне захочется. Наконец-то закрыты все заказы на лечение, скопившиеся за время моего отсутствия, в том числе и кремлевские. Котельниковой объявлено, чтобы не беспокоила хотя бы несколько дней, и вот сейчас, августовским солнечным утром я размышлял, а не махнуть ли мне, скажем, на море? Почему бы и нет? Последний раз я купался в соленой теплой воде в самом начале моего скульпторства, меня тогда еще та ушлая канадка обманула. Как же ее завали? А, точно — Алиса или, если по-ихнему — Элис. Я улыбнулся, вспомнив эту историю и то, каким же я был наивным! Да уж, развела она меня тогда лихо, как последнего лоха! Впрочем, кем я тогда был, если не лохом, ничего еще толком не знающим и не понимающим? Ладно, что помог той девушке избавиться от уродского шрама на лице, совершенно не жалею, да и вообще, за уроки, которые тебе преподает жизнь, надо благодарить. Хотя... она ведь она и отблагодарила меня тем, что имела. От этой мысли я чуть не подавился смешком и подумал: а что такого, люди платят деньги за секс, значит, он тоже может служить чем-то вроде платежного средства, в жизни часто такое происходит. Однако зарабатывать собственным телом — это последнее дело, говорящее о том, что на большее человек неспособен.

— Ты чего, командир? — заинтересовался Сергей, сидящий напротив и тоже потягивающий кофе, одновременно внимательно оглядывая зал. Андрей сидел за столиком у входа, фильтруя взглядом всех входящих и выходящих, а Женя скучал на улице, за баранкой автомобиля. Он сегодня за водителя, парни там как-то меняются между собой, я в это не вникаю: бдят и ладно.

— Да так, вспомнил кое-что, это еще до тебя было, — улыбнулся я и тут же спросил:

— Как насчет того, чтобы махнуть на море?

— Куда едем? — спокойно отреагировал тот. — Если за бугор или даже куда-то у нас, то настоятельно рекомендую нанять частный самолет. Как мы будем тебя охранять на обычном рейсе, пусть даже в бизнесе?

— Да я еще ничего не решил, так, думаю просто.

— Ну вот сразу думай и об этом тоже, — кивнул Сергей. — Ты же не на Балтийском море отдыхать собрался?

Нет, Балтийское море, даже в самое теплое время все же холодновато, как по мне. Вот, тоже странно, живешь вроде в приморском городе, только моря бывают разные. Кто-то живет на побережье Баренцева моря, а кто-то — Средиземного и это две большие разницы. И я подумал, что, может, мне стоит прикупить себе самолет? Деньги есть, все равно не знаю, куда их тратить. С другой стороны, надо же пилота нанимать, чтобы был в постоянной готовности, а я вроде летаю совсем нечасто, то есть, человек будет не при деле. Но, возможно, если будет самолет, появится и желание летать? Я ведь в Срединном мире вообще мало где был. Или, может, самому записаться в какой-нибудь аэроклуб, или как они называются, и получить лицензию пилота? Но не успел обдумать эту мысль, как к столику подошла девушка и, остановившись, не доходя пары шагов, поздоровалась:

— Здравствуйте!

Сергея молча сверлил ее взглядом, переглядываясь с мгновенно насторожившимся Андреем, я же ответил:

— Здравствуйте!

Девушка или, как правильно, может, молодая женщина, если на вид ей ближе к тридцатнику? Сейчас не разберешься, кого как правильно называть. Вот, в СССР, говорят, с этим было проще, все вокруг были товарищами, но где тот СССР и кто его, кроме стариков сегодня помнит? Сергей, между тем стал подниматься, но я остановил его жестом, мне стало интересно, кто это и чего хочет? Я же не знаменитость какая, чтобы ко мне за автографами подходили или с просьбой сфотографироваться, меня знает довольно узкий круг лиц, пусть даже некоторые из этих лиц часто мелькают на экранах телевизоров в репортажах из Кремля или Госдумы.

— Я знаю, кто вы! — голос у незнакомки срывался, а вся она была такая... не знаю, как сказать... нервная, что ли? И глаза заплаканные, красные. Еще раз взгляделся в черты ее лица: нет, мы раньше точно не встречались. Поэтому лишь продолжал молча смотреть на нее, ожидая продолжения.

— Помогите мне, пожалуйста! — всхлипнула девушка. — Я не знаю, что мне делать!

Мы с Сергеем переглянулись, и он покачал головой, явно предостерегая меня от разговора с незнакомыми девицами, у которых на уме могут быть разные гадости. Он хорошо помнил, да и я не забыл, как такая же молодая девушка похитила меня, а они ничего не смогли тогда сделать.

— Вы лилит? — я внимательно посмотрел на нее, и когда наши глаза встретились, скользнул к ней в голову.

— Нет, я Юля, — рассеянно ответила та, явно не поняв, о чем ее спросили.

Но это я уже знал и без нее. Юля была из Срединного мира, и я тут же вышел из ее сознания, увидев, что угроза для меня отсутствует. Зачем мне знать чужие секреты, мне и своих забот хватает. Да и вообще, некрасиво рыться в чужих мозгах без необходимости.

— Садитесь, Юля! — указал ей на свободный стул. А когда она села, серьезно произнес:

— Внимательно слушаю вас, — ну, а что, все какое-то развлечение!

Она всхлипнула, но тут же взяла себя в руки и заговорила.

— Мой отец чистый адам, а мама — обычная женщина. Когда-то с полгода, а то и больше назад, отец показал мне вас. Мы тогда гуляли, а вы вышли из салона красоты, что на Некрасова. У меня очень хорошая память на лица, сейчас увидела вас в окно и сразу же вспомнила.

Я моментально вновь нырнул в ее голову, объединив сознания. Действительно, сразу внимания не обратил, но, оказывается, есть нюансы, помогающие отличить адама от человека, не совсем очевидные, но есть, надо просто знать, куда смотреть, и я теперь знаю. Так-так, перед нами, получается адама-полукровка. Насколько я помню рассказы Ивана обо всех этих нюансах, если мать адама, пусть даже чистейшая, а отец человек, то в таком браке дети будут обычными людьми. А вот если отец чистый адам, а мать человек, то ребенок рождается адамом, у него есть душа, но на дар Демиурга он рассчитывать не может. По сути, такой «неполноценный» адам проживает жизнь обычного человека, с той лишь разницей, что после смерти для него ничего не закончится и это, согласитесь, уже совсем неплохо. Я думал, таким не раскрывают секрет их природы, но, видимо, папаша дочку свою очень любит. Как интересно получается, не зря я только что вспоминал ту девушку из Канады, поскольку там случай был аналогичный. Интересно, что надо этой? Я внимательно присмотрелся, но не увидел никаких уродств. Не сказать, что прям, красавица — так, обычная, но лицо чистое. Впрочем, это еще не точно, неизвестно, что скрывает одежда.

Между тем назвавшаяся Юлей девушка (ладно, пусть будет девушка) продолжала свой рассказ, периодически прерывая его тихими всхлипываниями.

— Мы тогда с папой вдвоем были, мама ничего об адамах не знает, и отец, увидев вас, сказал, что, такие как вы способны вылечить любую болезнь и даже могут воскрешать мертвых.

Так-так-так, кажется, я начинаю догадываться, что ей надо. И что же делать мне в данном случае?

— Скажите, это правда?

Я посмотрел на непроницаемое лицо Сергея и уже хотел отказаться, но настроение было хорошим, а в глазах Юлии стояла такая мольба, что я, против собственного желания ответил:

— Допустим.

Девушка глубоко вздохнула, посмотрела на меня полными слез глазами и прошептала:

— Прошу вас, верните моих родителей! Я для вас все что угодно сделаю! Абсолютно все, только скажите!

Хм, интересно, что она подразумевает под «все что угодно»? Обычно, если девушка говорит такое, то она рассчитывает расплатиться собственным телом? Ну, так себе расплата, как по мне, особенно после лилит. Совсем не то, чего бы мне сейчас хотелось.

Стоп, она сказала, верните? Ее предки, что, умерли? Видимо, вопрос отразился у меня на лице, поэтому Юля кивнула и опять почти зашептала:

— Сегодня рано утром они, как обычно, вышли на пробежку, и... — она глубоко вдохнула, сдерживая очередной всхлип, — прямо возле нашего дома их сбила машина... насмерть...

Ее губы задрожали:

— Еду из морга, просто бездумно кручусь по городу, и вдруг на светофоре увидела в окне кафе вас. Тут же вспомнила слова папы и... вот.

И вот, значит, ага. Мы смотрели друг на друга. Слезы катились по ее щекам, она повторяла раз за разом, что сделает для меня, все что угодно, а я думал. В первую очередь о том, что я, получается, очень мягкий человек и меня легко разжалобить. Совсем недавно уверенно рассуждал о том, что все люди смертны, как об оправдании своего отказа от практики лечения, а сейчас, похоже, готов помогать первой встречной девице. В чем тут дело, неужели лишь в том, что она женщина, а я мужчина? Неужели этого достаточно? Но я спокойно убивал женщин, правда, это было на ринге, они были бойцами, и я знал, что их воскресят и починят. Но также я очень хорошо знал, что никакой женщины не слабый пол, это все сказки для молоденьких дурачков. Скорее, часто правильнее слабым полом назвать мужчин: они, в среднем, и живут дольше, и организм у них лучше приспособлен для адаптации к разным условиям, в частности, женщины лучше переносят боль и вообще болезни, у них более сильная иммунная система... Блин, опять мысль не туда ушла.

Я еще раз окинул взглядом девушку Юлю с головы до ног: да нет, никаких позывов плоти в ее отношении я не ощущаю, затащить ее в постель желания не испытываю. Что же тогда: просто обычное сочувствие, поддержанное хорошим настроением? А что, разве не имею права на обычные человеческие чувства?

— Юля, — произнес я тихо, не отрывая от нее взгляда, — вы хотя бы представляете, сколько стоят услуги Лекаря? Вы миллиардерша?

— Я не знаю, — растерянно вздохнула она, — может быть, никогда не интересовалась, сколько у папы денег. Папа заплатит, сколько скажете, если вы его вернете. Но если надо прямо сейчас, я могу продать машину, — она замялась. — Если надо, могу продать и квартиру, которую мне папа подарил.

— Дорогая машина? — рассеянно поинтересовался я, уже решив, что помогу ей бесплатно, надо же иногда совершать добрые дела! Блин, вот откуда лезут эти глупые желания, а?

— Не знаю, — смутилась она, — это тоже папа мне подарил на день рождения.

Юля кивнула в окно. Там был припаркован сверкающий Bugatti Chiron. Однако! Девочка, похоже, совсем цену деньгам не знает.

— Вот эта? — удивился я.

Она кивнула

— Есть еще большой дом за городом и квартира в центре, но я уверена, если вы сможете вернуть папу, он все оплатит.

Мы переглянулись с Сергеем, тот только головой покачал.

— Юля, а как ваша фамилия?

— Голицына.

Голицына, Голицына... Фамилия, конечно, известная, но не из князей же она? Или... В голове закрутилась строчка из песни «Раздайте патроны, поручик Голицын, корнет Оболенский, надеть ордена...» Я достал телефон и, позвонив Котельниковой, поставил на громкую связь. А как только та отозвалась, сразу спросил:

— Светлана Ивановна, не подскажете, сколько у нас сейчас стоит оживление двух человек?

— А что, есть заказ? — оживилась та.

— Нет, заказа нет, просто тут кое-что прикидываю.

— А-а-а... — протянула Котельникова, явно мне не поверив. — Ну, начиная от трехсот миллионов, если в деревянных, а там уже зависит от сохранности тела, времени смерти и так далее. За каждого, естественно.

— Спасибо большое, а то мы с Сергеем поспорили. Я перезвоню, — и, нажав на отбой, с интересом посмотрел на Юлю.

Что интересно, сумма не привела ее в отчаяние, и она упрямо повторила:

— Я на все готова, все что угодно сделаю, слово чести!

Хм, может и правда из княжеского рода, кто еще сегодня может поклясться честью? Сегодня больше мамой клянутся.

— Ладно, — я поставил пустую чашку на стол, — поехали, посмотрим, что можно сделать.

Мне и самому стало интересно, вот, жоп... в смысле — нюхом чую, есть здесь какая-то тайна!

Я уже понял, что девушка совсем не из простой семьи и даже, вполне возможно, в состоянии оплатить мои услуги. Но я почему-то упрямо решил, что сделаю все бесплатно, что, кстати, странно, учитывая мои же принципы. Тут или упрямство, или чуйка, судите, как хотите. Я же с некоторых пор твердо верю, что случайностей не бывает, а вот совпадения бывают, да.

— Еще родня, кроме тебя, есть? — спросил я у Юли, разглядывая трупы ее родителей в морге.

— Есть, — кивнула девушка, не сводя застывшего взгляда с собственных туфель, словно не смея взглянуть на тела родителей. — Бабушка, мамина мама. Папины родители давно умерли, еще до моего рождения. Еще, наверное, есть кто, но мы ни с кем особо не общались.

— Выйдем, — я коснулся ее плеча, и она вздрогнула, словно находилась мыслями где-то очень далеко, и мой жест вернул ее на землю.

— Да, конечно.

На улице остановились под старой березой, что росла недалеко от входа. Приложив усилие, я перестал думать о безголовом теле Голицына-старшего. Нет, голова тоже там лежала, ровно порубленная на четыре части. Интересно, кто это так постарался? Ну, явно же их не просто машина сбила! Здесь поработал человек или адам, явно хорошо умеющий обращаться с топором (хотя, больше похоже все же на тяжелый меч) и знающий, как надо рубить. Конечно, может, машина и сбила для начала, а вот потом кто-то очень постарался, чтобы мужчина точно не воскрес. Я такое первый раз видел, хотя, кажется, в боях Веера на всякое насмотрелся. Для меня работа, конечно, усложнялась, но чисто теоретически, если мозг из головы не вынули и не уничтожили, попробовать можно. А мозг вроде на месте, я не поленился проверить. Упущение со стороны убийц, ну или они не знали, как работает Лекарь.

— В общем, смотрите, Юлия. Первое, я согласен вам помочь и вернуть родителей. Денег за это не возьму.

Котельникова будет в бешенстве, если узнает, но что-то настойчиво подсказывает мне, что деньги в данном и конкретном случае брать точно не стоит. Причем заплатят мне без проблем, стоит лишь заикнуться, более того, сами будут настаивать, в этом я почти не сомневался, но лучше таких людей иметь в должниках. Каких, таких? Да я и сам не знаю, говорю же — чуйка!

Юля нерешительно улыбнулась.

— Второе. Нужно перевести тела родителей в более подходящее место, например, в ваш дом. Где находится дом?

— В Холмах.

Ну, собственно, а где же еще, как не в суперэлитном поселке? Точно, родители Юли люди совсем непростые, а если еще точнее — там очень непростой адам, раз уж так безжалостно с ним обошлись. Что же, тем лучше, меньше будет разговоров, богатые люди не любят выдавать свои секреты, особенно если она адамы.

— Хорошо, я этот вопрос решу сам, — в конце концов, Фокусник я или нет? — Но есть еще и третье. Вашу маму я могу вернуть без проблем, она ведь обычный человек.

— Понимаю, — кивнула Голицына. — Это значит, что у нее нет души, да?

— Да, — согласился я. — Но вот с возвращением вашего отца придется повозиться. Точнее, это будет решать он сам. Я могу только встретиться с ним и узнать, чего хочет он сам. Видите ли, Юлия, у нас, адамов, после смерти тела появляются разные варианты посмертного существования и не все соглашаются на воскресение в прежнем теле. Например, моя бабушка наотрез отказалась.

Девушка внимательно выслушала и медленно кивнула:

— Хорошо, пусть так. Но я все равно хочу, чтобы у папы был выбор.

— Ладно, пусть будет по-вашему.

Взять под контроль людей в морге, не знаю даже, кем они были, не составило никакого труда. Потом Сергей вызывал скорую помощь, и когда та подъехала, ребята погрузили в нее тела Юлиных родителей. Водитель и сидящие рядом врачи (или фельдшеры?), понятно, не возражали, наоборот, активно помогали. Управлять людьми с каждым разом у меня получалось все лучше и лучше. Например, те, что в морге, никогда больше не вспомнят о сегодняшних трупах, один из которых явно криминальный. Записи изъяты вместе со страницами, а электронного учета в морге нет, это уже в больнице, наверное, должны вносить.

Да и работники скорой помощи забудут про странный вызов, так будет лучше для всех. Ну, подумаешь, выпадет из головы лишний час, хотя нет. Надо будет сделать тоньше, скажем, внушить, что они заезжали куда-то перекусить, потом, допустим, на заправку или колесо пробитое меняли. Конечно, вызов скорой где-то зафиксирован, но мало ли ложных вызовов бывает, дело обычное, думаю, никто ничего не заподозрит.

Дом Голицыных впечатлил, я даже подумал, что хочу себе такой же.

Глава 3

Старший оперуполномоченный Павел Шаламов, двадцатидевятилетний капитан полиции вышел из морга и задумался. Что-то здесь было не так, чуйка подводила его редко, за что и ценило начальство. Он позвонил в дежурку и попросил скинуть запись вызова. Все звонки в дежурную часть пишутся и хранятся в течение тридцати суток, такое правило. Тот без вопросов выполнил просьбу, а капитан еще раз прослушал разговор звонившего с дежурным, из которого следовало, что какие-то люди утром привезли в морг два трупа — мужской и женский. Причем труп мужчины явно криминальный: с отрубленной, да еще и порубленной на части головой. Вступать в разговоры с работниками морга люди, доставившие трупы, не стали, лишь сообщили, что покойников сбила машина в Холмах, и укатили, даже не представившись.

Павел поблагодарил дежурного и попросил пробить, откуда именно поступил звонок, а сам задумался.

Странно все. Получалось, что ни патологоанатом, ни его подручный фельдшер, по их уверениям никаких трупов сегодня не принимали и в полицию не звонили. Кроме них все утро и по настоящее время в морге никого не было, никто не мог позвонить от их имени. Павел внимательно отслеживал мимику, и по всему получалось, что те не врут, ну или они народные артисты, так хорошо играют. И он подумал, как было бы хорошо, если бы и правда сейчас выяснилось, что звонок поступил не из морга, а просто кто-то схулиганил. Такое бывает, дебилов в стране даже чересчур много, особенно малолетних, хотя голос на записи был взрослым и очень похожим на голос патологоанатома, но мало ли похожих голосов, без экспертизы не разберешься.

К сожалению, надежды его не оправдались, звонок поступил именно из этого морга. Павел поморщился и задумался: может, плюнуть, отписаться, что факты не подтвердились, да и пошло оно все? Мало у него работы, что ли? И, наверное, он именно так и поступил, если бы не подрулившая в это время новенькая Мазда знакомой следачики. Та помешана на законности и точно не отстанет, пока во всем не разберется. Ну, или посчитает, что ей все ясно, — хмыкнул опер, — сомнения у нее на троих хватит.

Шаламов выругался про себя, наблюдая, как та изящно выплывает из салона и идет к нему. Вот ведь сучка, знает, как на него действует вид ее покачивающихся из стороны в сторону бедер, специально дразнит, к бабке не ходи! Их бурный роман закончился не так давно, и не по его инициативе, вот зачем она это делает?

Следователь СК старший лейтенант юстиции Лариса Лаврентьева, 26 лет от роду, была очень красивой девушкой, прекрасно это понимала и, не стесняясь, пользовалась. Если бы она захотела, то уже давно работала в прессухе — пресслужбе Управления и вместо того, чтобы таскаться по вызовам, красовалась на экранах телевизоров, заверяя недоверчивых обывателей в том, что следствие ведется, все под контролем, но раскрывать детали она пока не имеет права — тайна следствия. И то, что для этого придется немного расслабиться телом в нужном месте, ее совсем не смущало — такова жизнь, каждый пробивается как может.

Вот только Лариса с детства мечтала быть следователем, ну, ладно, не с детства, с ранней юности, частенько пересматривая сериал «Каменская» с Еленой Яковлевой в главной роли, как и все остальные фильмы с храбрыми, жесткими и бескомпромиссными женщинами в погонах. А вот всевозможные мелодрамы, с жаром обсуждавшиеся подругами, терпеть не могла. Да и играла она во дворе больше с ребятами, чем с девчонками, всегда была этакой командиршей

в юбке. В общем, была Лариса ментом идейным, очень любила свою работу в ущерб всему остальному в жизни. Потому и не выскочила до сих пор замуж, несмотря на то, что мужики просто гроздьями вешались, готовые на все ради благосклонности красивой следачки. Нет, Лариса не была ни синим чулком, ни упертой феминисткой (скорее, умеренной), ни уж тем более лесбухой, как ее со злости называли отшитые кавалеры, мужиков она любила и в близости с ними себе не отказывала. Вот только замуж пока не собиралась, твердо решив: пока не дослужится до майора и начальника отдела, семейными узами связывать себя не будет.

Не сказать чтобы она меняла партнеров как перчатки, такой цели точно не было, но если что было не по ней, тут же давала от ворот поворот без сожаления. Во всем, в том числе и в постели, она любила доминировать, чтобы все было так и тогда, как и когда она хочет. Проблема в том, что следаки из Комитета и знакомые опера из ментовки, по какому-то странному недоразумению тоже ощущали себя альфа-самцами, ну или ей только такие подсознательно нравились, и именно таких она выбирала. Поэтому коса быстро находила на камень и длительные отношения никак не хотели складываться, что Ларису, впрочем, не слишком волновало. Она была в себе уверена, знала, что стоит лишь поманить, и у ее ног окажется целая куча небритых по моде мужественных харь, причем, независимо от того, холостые они или женатые. Короче, следователем Лаврентьева была хорошим, все признаки налицо.

Подъехав на вызов и увидев там Шаламова, Лариса тут же приняла деловой и независимый вид, но когда шла, специально чуть увеличила мах бедра, чтобы он лучше прочувствовал, кого упустил. Впрочем, насчет «упустил» она еще не решила, может, еще и допустит капитана до своего тела, будет зависеть от его поведения, но главное — от ее желания. В общем, как всегда.

— Привет, Шаламов, — бросила она равнодушным тоном, подходя. — Давай, докладывай, что нарыл.

— Привет! — Павел тоже постарался ответить равнодушно, но у него это получилось не так хорошо. — А тут у меня, точнее — у нас, облом.

— В смысле? — ничуть не удивилась Лаврентьева. — Опять что-то накосячил?

Капитан только крикнул, вот же стерва, но сдержался и пересказал ей ситуацию. Та удивилась, попросила включить запись разговора с дежурным, послушала и пошла в морг. Павел поплелся за ней, не в силах отвести взгляд от перекачывающихся под юбкой полушарий. «Брому, что ли выпить?» — подумал он с тоской, вспомнив армию и байки про то, что солдатам в пищу добавляют бром, чтобы мозги от спермотоксикоза очистить. Вот только, если это и правда, на молодых ребят все равно не действовало, как говорил прапор, старшина их роты: «Кто такой российский солдат? — Это правдоискатель и пи...страдатель», что хирургически точно описывало среднестатистического молодого бойца.

В морге состоялся уже знакомый разговор, врач с фельдшером клялись, что никаких утренних трупов в глаза не видели и никуда не звонили. Тогда Лаврентьева попросила Пашу прокрутить запись, сама же в это время не отрывала глаз от двух мужиков в не слишком белых халатах. Она могла бы дать руку на отсечение, что голос на записи принадлежал патологоанатому, но в то же время ясно видела натуральное изумление в его глазах, когда тот услышал запись. Интересный случай, она любила такие загадки.

— Это же ваш голос, доктор, будете отрицать?

— Похож на мой, — согласился тот удивленно. — Вот только я все равно не звонил в полицию.

— А давайте посмотрим исходящие на вашем телефоне? — вкрадчиво предложила Лариса.

— Да, пожалуйста! — мужчина достал из кармана смартфон и, разблокировав, передал следачке.

Та пару раз ткнула пальчиком с идеальным маникюром, улыбнулась и продемонстрировала удивленному врачу экран, на котором четко отражался исходящий звонок в полицию в 9.59 сегодняшнего утра. Тот схватил телефон и уставился на экран так, словно увидел привидение.

— Товарищ капитан, — обратилась между тем Лариса к Шаламову, — во сколько зафиксирован звонок в дежурной части?

— В 9.59, — хмуро ответил тот, злясь на себя, что не догадался проверить телефоны служащих морга, ведь это же напрашивается в первую очередь!

А та, словно учуяв его состояния, язвительно продекламировала, добавив масла в огонь:

— Вы, менты, либо совсем обленились, либо разучились работать, либо, что вернее, никогда и не умели!

И удовлетворенно глянув на покрасневшее лицо капитана, обратилась к врачу:

— Итак, где трупы?

— Да не было никаких трупов! — дуэтом взвыли фельдшер с патологоанатомом, словно репетировали эту фразу.

А врач еще и добавил:

— Я не звонил в полицию!

Лаврентьева лишь молча кивнула на телефон в его руках.

— Да не знаю я, что это за звонок здесь, только я не звонил и все тут!

Лариса вздохнула, проводив взглядом выбежавшего на улицу Шаламова, и белозубо улыбнулась.

— Ну, нет и нет, что вы так волнуетесь, господа? Сейчас запишем ваши показания и уедем. Найдется свободный стол?

Павел же в это время рванул к игравшим на соседней стройке двум пацанам, лет двенадцати на вид, ругая себя за то, что не сделал этого раньше. Те настороженно следили, как он подходит, но, слава богу, не убежали.

— Привет, ребята! — поздоровался капитан. — Давно здесь играете?

— А вы кто такой? — поинтересовался пацан с выгоревшими на солнце волосами.

— Полиция, — представился Шаламов, показывая удостоверение. — Так, давно вы здесь играете?

— Ну, с утра, — ответил тот, — только мы ничего здесь не трогаем.

— Да хоть все утащите, — отмахнулся Павел, — мне по барабану! Скажите, вы не видели случайно, где-то в районе обеда, может, раньше или чуть позже к моргу никакие машины не подъезжали?

Мальчишки переглянулись, и на этот раз ответил уже другой, чернявый:

— Видели, даже подходили посмотреть, классные тачки! Я такие только в интернете видел!

— Что за тачки? — тут же встал в стойку капитан.

Чернявый молча достал из кармана мобильник, повозил по экрану пальцем и протянул Шаламову:

— Во, смотрите, я сфотил!

Опер жадно уставился на фотографии. Да уж, машинки, действительно, приметные, найти будет нетрудно, учитывая, что на всех трех номера видны четко.

— Ну-ка, скинь их мне, — попросил Павел, доставая свой телефон.

После чего стал расспрашивать дальше, не забыв включить диктофон.

— Так, парни, молодцы. А можете описать, кто приехал на этих машинах и что они делали, о чем говорили?

Те, преисполненные важностью открывшейся им миссии, наперебой стали рассказывать. Но белобрысый дернул второго за руку, что-то шепнул ему и заговорил сам.

— В общем, смотрите. Вот на этой тачке, — он ткнул в фото с Bugatti, — приехала женщина.

— А на этой, — палец указал на BMW, — два мужика. Один, типа босс, другой — водитель. А на гелике приехали еще двое, думаю, тоже охрана.

— Как понял? — заинтересовался Павел.

— Ну, он им отдавал приказы, а те делали.

— Так, отлично, — похвалил капитан. — Что они делали?

— Дай, я расскажу! — не выдержал чернявый, и тут же стал, торопясь, рассказывать.

— Короче, эта женщина и тот, который босс, они в морг зашли. Трое на улице остались. Один так и сидел за рулем бэхи, вообще не выходил. Остальные двое походили вокруг, все осмотрели, нас, кстати, прогнали, но мы все равно издали смотрели.

— Молодцы! — не пожалел еще одной похвалы Шаламов.

— Потом те двое, ну, мужик с бабой, вышли из морга, о чем-то переговорили и один позвонил по телефону. Потом просто ждали. Женщина все время плакала, а мужик, который босс, ее утешал.

Пацан замолчал, переводя дыхание, и тут же включился белобрысый, все это время изнывавший от нетерпения.

— А потом, когда подъехала скорая помощь, из морга вынесли двух покойников на носилках под простынями, погрузили в скорую, и все уехали. Всё.

— Что-то еще? Может, они говорили между собой?

— Да мы далеко были, может, и говорили, только мы не слышали.

Павел посмотрел на чернявого, и тот кивком подтвердил: мол, ничего не слышали больше.

Шаламов еще раз поблагодарил ребят, записал их имена, номера телефонов и пошел к моргу, из которого уже вышла Лавrentьева, и, похоже, высматривала его. Павел на ходу продиктовал дежурному номера автомобилей с фотографий, сунул телефон в карман и молча остановился рядом со следачкой.

А Лариса, тут же учуяв, что капитан что-то нарыл, проворковала совсем другим голосом, от которого у Паши побежали мурашки:

— Ну, давай уже, рассказывай, Павлик, я же знаю, что круче тебя опера в городе нет.

— Недавно кто-то говорил совсем другое, причем, при свидетелях, — хмуро ответил тот.

— Ой. Пашенька, ну что ты обижаешься! Ну, вырвалось у глупой бабы, что с меня взять? — и она взяла его под руку, словно случайно чуть задев грудь.

Молния ударила куда-то в пах, так что Шаламов крякнул и стал пересказывать услышанное от ребят. А когда закончил, зазвонил телефон. Увидев, что звонок от дежурного, Павел поставил на громкую связь.

— В общем, так, Паша, — послышалось из динамика. — BMW зарегистрирован на Виноградова Олега Игоревича, домашний адрес есть, а вот телефон в базе данных отсутствует. Bugatti принадлежит Юлии Михайловне Голицыной, адрес и телефон прилагаются. Гелендваген марки Mercedes-Benz G500 зарегистрирован на Свечина Павла Сергеевича. Сейчас все тебе скину.

Лариса быстро строчила в блокнотике, записывая данные. Шаламов не понимал ее, сейчас же ему все скинут, а он перекинет ей, но в этом была она вся: обязательный блокнот и смешная ручка в виде растянувшегося котенка. Говорила, что так лучше все усваивает, ну и пусть ее! А тут и телефон звякнул, оповещая о пришедшем сообщении. Капитан прочитал и сообщил следачке:

— Смотри, Лариса, хозяин гелика живет недалеко от центра, бэхи — практически в центре, а вот хозяйка бугая зарегистрирована в Холмах. Куда едем?

— В Холмы, конечно! — не задумываясь, ответила та.

— Обоснуй! — заинтересованно потребовал Паша, заинтересовавшись ходом мысли бывшей подружки. Странно, но она почти всегда угадывала.

— Женщина плакала, — пожалала плечами та. — Скорее всего, покойники ее родственники, возможно, родители. Да и зачем везти трупы в центр города? Загородный охраняемый поселок, наоборот, очень удобное место.

— Логично, — решил Шаламов. — Интересно, зачем им трупы?

— Поедем и узнаем, — подмигнула следачка. — Сейчас только в сети посмотрим, что это за люди вообще. Давай, я про девушку поищу, а ты про молодых людей.

— Давай, — согласился Павел.

И они уткнулись в телефоны. Минут через десять, Шаламов чертыхнулся и сообщил:

— Хозяин гелика бывший военный, похоже, воевал. А вот о хозяине бэхи вообще ничего, ноль!

— В смысле? — не открывая от экрана, поинтересовалась Лаврентьева.

— В прямом! Докладываю: в сети Интернет никаких упоминаний о Виноградове Олеге Игоревиче, двадцати семи лет от роду, нет. Так вообще бывает?

— Двадцати шести, — поправила Лариса.

— Что? — не понял опер.

— Ему еще двадцать шесть лет, а не двадцать семь, посмотри на месяц рождения.

— А, это... Ну, пусть так, какая разница? Все равно ничего нет. Да как так то? Молодой еще парень, но не сидит в соцсетях, неужели такое сегодня бывает?

— Наверное, бывает, — задумалась девушка. — Вот только, скорее всего, без Конторы здесь не обошлось. И если это так, то, вот тебе пророчество, Паша: дело у нас заберут и замнут.

— Да уж... — Шаламов сплюнул на землю. — С другой стороны, может, оно и к лучшему? Слишком уж все странно: похищение трупов из морга, да так, что персонал молчит, как партизаны на допросе в гестапо.

Как опытный оперативник, Павел понимал: если есть возможность спихнуть непонятное и странное дело на кого-то еще, то надо быстренько его спихнуть. А это дело, он нюхом чуял, ох, какое непростое!

Лаврентьевой не понравилось сказанное капитаном, она любила до всего докапываться сама, и она отрезала:

— Заберут, не заберут, гадать будем? Пока еще никто забирать не собирается, поэтому работаем по горячим следам. Попросишь своих айтишников покопаться, может, они что-то на Виноградова наруют. А пока слушай, что я нашла. В общем, Юлия Голицына, дочь миллиардера Михаила Голицына, владельца... да, блин, чем только он не владеет, перечислять заму-чаешься! Девушка — моя ровесница, ей двадцать шесть, единственная наследница, с отличием окончила МГИМО, работает в МИДе каким-то там советником или еще кем, это уже неважно. Золотая молодежь, чтоб им пусто было, наверняка и Виноградов из этой тусовки, тоже мажор! К этим, попробуй еще подступишь, на кривой кобыле не подъедешь! Чё делать будем, Паша? Предлагаю работать, как учили, мы все же представители власти, а законы никто не отменял, пусть для некоторых они и не писаны. Можно, конечно, пробить вызов скорой, и выяснить, куда они поехали. Но это долго, тем более не исключен вариант, что те тоже ничего не помнят. Едем в Холмы, к Голицыным, пока след еще горячий?

И Лариса положила руку на бедро сидящего рядом капитана, слишком близко к... телу, да. И сердце опера не выдержало:

— А, поехали, чего уж там! Мы в своем праве, в конце-то концов!

Глава 4

На этот раз посещение загробного мира (или что это вообще такое?) прошло несколько иначе, гораздо легче и быстрее, что ли? Там за гранью смерти, не было никакой регистратуры, как в случае с бабушкой, но я сразу очутился в саду, где под цветущими вишнями в удобном даже на вид плетеном кресле сидел мужчина и улыбался навстречу мне. В том, что это Михаил Голицын, сомнений быть не могло, пусть голова оставшегося в Срединном мире трупа и была порублена на куски, но я видел его раньше, в Совете адамов. Оглядевшись, я подошел и сел в кресло рядом, оно и правда, оказалось таким же удобным, каким выглядело. Странно, тела нет, а ощущения остались. Пожалуй, отличная иллюзия, — оценил я на этот раз как профессионал.

— Здравствуйте, Михаил... извините, не знаю, как вас по отчеству.

— Здравствуйте, Олег! — ответил он. — Какие еще отчества между адамами? Забудьте! А учитывая, что мы с вами сейчас, так сказать, налегке — без тел, вообще смешны все эти земные условности.

И он весело засмеялся. Я тоже изобразил улыбку.

— Вы, вероятно, хотите предложить мне вернуться? Признаться, я надеялся, что это будете именно вы, Олег. Нам есть о чем поговорить.

— Вот как? — удивился я. — Но там ваша дочь страдает и очень надеется на воскресение.

— Юленька, — взгляд Михаила затуманился, было видно, что дочь он очень любит. — Значит, она запомнила вас, молодец какая! Давайте все же об этом чуть позже, тем более здесь нет времени и нам некуда спешить.

Это я понимал, отсюда вернуться к жизни можно в любой момент времени Срединного мира, даже в тот же самый, в какой из него вышел. Поэтому за сохранность своего бездыханного тела я не беспокоился, я не дам шанса что-то с ним сделать, даже если у кого-то появится такое желание. Да и ребята там бдят.

— Машу уже воскресили?

— Нет, решил сначала поговорить с вами, — ответил я, сообразив, что Маша — это его жена и мать Юли.

— Бедная Машенька, — вздохнул Голицын, — любовь моя неожиданная. Прекрасно понимал, чем все рано или поздно закончится, но ничего не мог с собой поделать. Чувства... У многих адамов, особенно на высших ступенях, чувства словно бы атрофируются, что, в общем, понятно: нельзя вечно быть подростком, даже если ты выглядишь молодо, опыт дает о себе знать. Со временем, к сожалению, все приедается, в этом большой минус долгой жизни: чем дольше ты живешь, тем больше устаешь от жизни, она тебе просто надоедает. Поэтому так много тех, с кем я дружил, будучи молодым, умирая, отказываются возвращаться. Они просто не понимают зачем? Чтобы и дальше тянуть ту волюнку, которая уже в зубах навязла? Оно им надо?

Он покачал головой:

— В молодости этого не понимаешь, когда ты молод и здоров, даже сама мысль, что жить может когда-то надоесть, кажется тебе признаком болезни.

— Однако, — заметил я, незаметно втягиваясь в разговор, — самоубийц, кажется, всегда больше именно среди молодых.

— Все потому, что самоубийство — это больше манифестация, чем осознанное действие, — вздохнул мой собеседник. — Мало кто из молодых реально хочет умереть, а вот продемонстрировать всем, показать, что-то доказать — это, да, сколько угодно.

И он замолчал задумавшись. Я немного подождал, но все же решил вернуться к тому, зачем я здесь:

— Знаете, кто с вами так обошелся? У вас, ну, в смысле, у вашего тела не просто отрублена голова, она еще и разрублена на части.

— Мозг на месте? — быстро спросил Голицын.

— Что значит, на месте? — я вздохнул. — Если интересно, то его остатки сохранились в черепной коробке, но сейчас это мертвая материя, по сути — давно испортившийся фарш. Вот, не собиравшись же больше заниматься лекарской практикой, но ваша дочь была так настойчива и убедительна... Короче, мозг, если решитесь, я выращу новый, все объемы памяти и навыки, я полагаю, не в том порубленном куске плоти, а при вас?

— При мне, — кивнул Михаил. А я на миг задумался о том, как это вообще возможно, ведь земная наука, кажется, давно доказала, что вся память, полезные навыки и все прочее, хранится именно в мозге. Достаточно нарушить что-то в этом сером веществе, как человек становится овощем. Но, наверное, это только людей касается, вероятно, наличие души обеспечивает некий, так сказать — облачный резерв. Ну или просто наука еще далеко не все об этом знает.

— Я предполагал, что они могут попытаться устранить меня, — усмехнулся Михаил. — Поэтому специально подстроил так, чтобы дочь увидела и запомнила вас.

— Они — это кто? — заинтересовался я.

— Вот об этом я и хотел поговорить, Олег, — он внимательно посмотрел на меня. — Дело в том, что Совет уже практически договорился об окончательном решении вашего вопроса, как когда-то любил выражаться один деятель в Германии.

— Какого еще моего вопроса? — сказать, что я удивился, значило не сказать ничего.

— Вопросы о вашем устранении, — Голицын больше не улыбался, а словно бы сверлил меня взглядом. — Вы ведь уже Фокусник, верно?

Я кивнул, зачем отрицать очевидное?

— Давайте, Олег, я вам расскажу кое-что, как адам, живущий очень давно, и очень давно вращающийся в кругах, которые многие адамы по привычке все еще называют высшим светом, пусть это давно неактуально. Поверьте, вам надо это знать. Хотите вина?

Он указал на столик между нашими креслами, которого мгновение назад не было. Там стояли бутылки, фужеры, фрукты в большой вазе.

— Чем хорошо это место, — подмигнул Михаил, — так это тем, что вы даже почувствуете легкое опьянение после бокала вина. Иллюзия, конечно, но очень качественная. Впрочем, кому это понимать, как не Фокуснику!

Он взял бокал и с показательным удовольствием отхлебнул:

— Очень неплохое вино, рекомендую!

И тут же начал свой рассказ, не дожидаясь ответа. Я же пока решил воздержаться от угощения, как-то не чувствовал себя расслабленно, чтобы наслаждаться винным букетом.

— Итак. В древних манускриптах адамов содержится рассказ о том, как однажды Демург вернулся из... не знаю, где он там пребывает, да это и неважно, — главное, вернулся в это свое творение, посмотрел, разочаровался и решил его стереть. Ну, знаете, как стирают старый проект, который больше не приносит удовлетворения. Не знаю уж, что ему взбрело в голову, да это и неважно. Что там было в других мирах Веера тоже не имеет значения, хотя везде, думаю, примерно, одно и то же. В человеческой мифологии в различных легендах и преданиях эти события сохранились под названием «Всемирный потоп». Если не ошибаюсь, всего известно более двухсот пятидесяти сказаний о потопе в различных регионах мира. Наиболее древними письменными источниками о нем являются месопотамские истории. А наибольшую известность в мировой культуре получил библейский рассказ, хотя правды в нем, скорее, не больше, чем в любой подобной истории. Другое дело, что Всемирный потоп, что бы под этим термином ни подразумевалось, во-первых, был, но, во-вторых, к счастью, так и не стал всемирным, его удалось предотвратить двум адамам, достигшим ступени Гения.

Голицын глотнул вина, посмаковал и продолжил:

— Что там было на самом деле, никто толком не знает. Но, вероятно, Демиург запустил процедуру уничтожения и удалился, резонно решив, что личное присутствие необязательно. По крайней мере, мне все это примерно так представляется, а я долго работал в наших архивах. Но Гении, объединив усилия, смогли удержать Веер, сохранив его основу — Срединный мир. Конечно, последствия были ужасными, все человечество погибло подчистую, но адамы в большинстве своем выжили. А потом вновь занялись разведением человечества из сохранившихся животных, в чем, как видите, вполне преуспели.

Поначалу я недоумевал, зачем он все это мне рассказывает, но постепенно втянулся в историю, перед глазами поплыли картины ужасной катастрофы и последующего титанического труда по восстановлению жизни, навеянные рассказом.

— Все это, конечно, древняя история, к тому же в достоверности изложения которой имеются определенные сомнения. Но это все лишь присказка, сказка впереди.

И сделал очередной глоток из бокала. Глядя на него, я вдруг понял, что в моем иллюзорном горле тоже пересохло. Я опять восхитился, насколько качественно была создана иллюзия... или это все же не иллюзия, а нечто совсем иное? В любом случае я налил из ближайшей бутылки вина, взял бокал и сделал глоток. У-м-м, а ведь и правда, совсем неплохо!

— В одном документе, сохранившемся с тех времен, есть предупреждение потомкам. Там написано, причиной такого, прямо скажем — отвратительного поведения Демиурга стало наличие в Веере сразу двух Гениев, что, вроде бы каким-то образом нарушает то ли установленное Демиургом правило, то ли какой-то его запрет. Ну и, вроде как, обнаружив сразу двух Гениев, Творец настолько рассердился, что пошел на уничтожение собственного же творения. И предупреждение к адамам заключается в том, чтобы никогда в будущем не допускать появления двух Гениев одновременно.

Михаил откинулся на спинку кресла и поинтересовался:

— Как вино?

— Превосходно! — не стал скрывать я.

— Это вино из моего подвала в Холмах, — похвастался он. — Если вернусь туда, презентую тебе ящик. Ты ведь денег за воскрешение жены и мое не возьмешь, правильно я понимаю?

— Э-э-э, — мне не удалось скрыть удивление. — Как вы это поняли? Я действительно не собирался брать деньги.

— Опыт, Олег, опыт! — засмеялся собеседник. — Живу я давно и понимаю, что деньги ты и без меня заработаешь, а вот иметь в должниках Фокусника и члена Совета — это многого стоит.

Я даже закашлялся от услышанного, Михаил Голицын — Фокусник? Ничего себе! До этого Фокусников я никогда не видел, хотя... а кем еще могут быть члены Совета адамов России? Ну, не Лекари же они, в самом-то деле! Вот об этом я как-то совсем не подумал. Впрочем, вида показывать не стал, лишь кивнул согласно и спросил:

— А сколько сейчас Гениев в Веере?

— Один, конечно, — снова подмигнул мне, как выяснилось, Фокусник, — твой отец Игорь... Так вот, с тех пор Советы адамов во всех странах и мирах строго следят, чтобы количество Гениев не превышало одного. Впрочем, — усмехнулся он, — это совсем нетрудно, ведь между Магом и Гением такая пропасть, как... я не знаю... ну, скажем, как между Фокусником и обычным человеком. Стать Магом теоретически может каждый чистый адам, упорно шагая по лестнице благодати, преодолевая смертельные опасности, хотя и давненько таких не было, а вот Гении появляются, если посмотреть на историю, не чаще раза в тысячелетие, а то и реже. Куда они потом исчезают, кстати, тоже никто не знает, но мертвых Гениев никто не видел.

— А не знаете, где мой дед по маме? — неожиданно вырвалось у меня.

— Геннадий-то? — собеседник пожал плечами. — Насколько я знаю, где-то в Веере. Видишь ли, Олег, твой дед большой ученый, он вообще не от мира сего. Как твоя бабка тогда уломала его завести семью, ума не приложу. Но долго это, конечно, продолжаться не могло, поэтому он и ушел, выбрав свое призвание. Ты не злился на него, Олег.

Я отметил, как плавно Голицын перешел с «вы» на «ты» в обращении ко мне, но не придал этому значения. Он же наверняка гораздо старше меня, так что я не буду возражать.

— Да я и не злюсь. А у него какой дар?

— Не знаю, — Голицын задумался. — Думаю, он Фокусник. Понимаешь, для ученого это все не так важно, у них своя система. Может, Маг, но точно не Гений, появление второго Гения пропустить просто невозможно.

— Значит, — я внимательно поглядел на него, — это вы на пороге перехода к дару Гения, поэтому вас и убили?

— Спасибо за такое лестное предположение, но нет, — Михаил отсалютовал бокалом. — Но как уже было сказано, я Фокусник и даже Магом, скорее всего, никогда не стану. Просто не хочу. А убили меня за то, что я выступил против твоего, Олег, устранения.

— Да за что меня хотят убить-то? — почти крикнул я, не выдержав. — Что я им сделал? Неужели из-за того, что отказался взносы платить?

Фокусник напротив, выпучил глаза, а потом расхохотался так, что еле успокоился повторяя:

— Убить за... а-ха-ха-ха... неуплату взносов... а-ха-ха-ха... ну, ты даешь!

Наконец, он выдохнул, вытер выступившие от смеха слезы большим клетчатым платком, который достал из кармана спортивного пиджака, и покачал головой.

— Подожди еще немного, хорошо? — Голицын примирительно поднял ладонь. — Я только закончу свой рассказ.

Он еще чуть помолчал, глядя куда-то в сторону, и заговорил вновь.

— Но есть другая версия произошедших тогда событий, неофициальная, но которой придерживаются многие. Она заключается в том, что было все ровно наоборот, и утверждает, что Гении — не опасность для Веера, а защита. И два Гения одновременно не раздражают Демиурга, как гласит официальная версия, нет: два Гения появляются именно тогда, когда Демиург должен вернуться, чтобы защитить творение от своего творца. Только два Гения вместе способны противостоять Демиургу, желающему уничтожить Веер миров, то есть, они, повторю, не опасность для всех, а гарантия выживания Веера. Поэтому потенциального Гения надо не уничтожать, пока еще можно это сделать, а защищать до тех пор, пока он не войдет в силу. И я один из тех, кто когда-то поклялся сделать это смыслом своей жизни. Мы называем себя Орден, из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери мы передаем эту обязанность и приносим клятвы.

Он встал и, подойдя, положил мне руку на плечо, а я откуда-то знал, что Михаил сейчас скажет, замерев в ожидании этих слов.

— Это ты потенциальный Гений, Олег. Это понимают все причастные. Знай, ты не один, Орден будет защищать тебя всеми силами, пусть у нас их не так много даже в сравнении с Советом.

Я помотал головой и развел руками:

— Да, с чего вы вообще взяли, что я стану Гением?

Голицын похлопал меня по плечу и опять уселся в кресло.

— А больше просто некому, никто из ныне живущих адамов не перешагивал через две ступени дара за неполных два года. Тебе еще нет двадцати семи, а ты уже Фокусник, в то время как у всех остальных восхождение по лестнице благодати занимает десятилетия. Например, я, получив первый дар, как и все, в двадцать пять лет, достиг ступени Лекаря лишь к сорока, Фокусника — к девяносто восьми годам, а Магом так и не стал. И это еще я очень быстро под-

нимался, все удивлялись и восхищались, называли талантом. Большинство моих ровесников в лучшем случае Лекари, а кои и умерли давно. На сегодняшний день есть только два адама так стремительно взлетевших: твой отец и ты. Один уже Гений, а второй скачет по ступеням так быстро, что сомнений быть не может, поверь.

Я сидел и думал, что все это и так знаю. Где-то глубоко внутри это знание было во мне с тех пор, как я получил свой первый дар. Но почему я никогда не интересовался, как долго возвышались другие адамы? Мне казалось собственно продвижение нормальным, более того, мне бы даже хотелось быстрее, словно что-то внутри подгоняло меня, словно какой-то внутренний таймер. И теперь я догадывался, что это за таймер, наверное, он отсчитывает время до пришествия Демиурга.

— Зачем Демиург хочет уничтожить Веер? — тихо спросил я.

— Никто точно не знает, — также тихо ответил Михаил. — Кто-то думает, что он сошел с ума, но это вряд ли, существа такого плана с ума не сходят. Впрочем, не знаю... Другие говорят, что ему изначально не нравилось то, что получилось, и он всегда хотел удалить неудачную, по его мнению, версию. Просто Демиург живет вне нашего времени и пространства. Нам кажется, что он забыл о нас, потерялся где-то, ведь тысячи лет о нем ни слуху, ни духу. А по его времени все было, скажем, минуту назад, он просто ненадолго отвернулся. Ну, это я так, просто пример, скорее всего, там, где он, и времени-то нет никакого.

Мы помолчали. Михаил вздохнул и продолжил:

— Есть версия, что он сам, зная все — прошлое, настоящее и будущее, создал механизм пробуждения Гениев как защиту сотворенного мира от себя самого, своего изменчивого настроения. А кто-то верит, что любой Гений потенциально может стать Демиургом и нынешний Демиург терпеть не может конкурентов. Но все это, Олег, не более чем гадания на кофейной гуще. Как на самом деле, не знает никто из живущих. Впрочем, может, твой отец знает больше. Главное в другом: нам надо сохранить мир и человечество. И Совет тоже этого хочет, но уверен, что, устраняя потенциального второго Гения, он тем самым защищает творение от гнева творца. То есть, все как бы за все хорошее и против всего плохого, а получается, что крайним оказываешься ты.

Голицын одним махом опрокинул в рот остатки вина, а я спросил:

— Отец ведь Гений, неужели он не защитит меня?

Спросил вроде спокойно, а внутри бушевало пламя.

— Я уверен, он делает все возможное, — рубанул рукой воздух мой иллюзорный собеседник вставая. — Я только не знаю, какие для него существуют ограничения, а ведь они наверняка есть. О Гениях, к сожалению, вообще мало что известно, чуть больше, чем о Демиурге. И... в общем, Олег, я сказал тебе все, что должен был сказать. Теперь я, пожалуй, готов к возвращению.

— Ладно, — поднялся и я. — Давайте и правда, перейдем от разговоров к делу.

Глава 5

Первое, что увидел, открыв глаза, это встревоженное лицо Юлии. Заметив, что я очнулся, она тут же спросила:

— Он согласился?

— Согласился.

Она облегченно вздохнула, а я встал и осмотрелся. Серега, стоявший у входа в большую гостиную на первом этаже особняка Голицыных, где мы находились, кивнул мне успокаивающе, — мол, все под контролем, командир, можно не беспокоиться. Ладно, тогда приступим к основному действию.

— Попрошу вас выйти! — я посмотрел на дочь Мага.

Юля нерешительно потопталась, и я мягко добавил:

— Поверьте, Юлия, вам не надо этого видеть, психика будет целее. Вы хоть и адама, но не Лекарь.

Хотел добавить, что даже не Скульптор, но пожалел ее самооценку. Наверное, это тяжело, знать о существовании адамов, о чудесном мире и огромных возможностях, открытых для них, самой быть адамой, но понимать, что ты так и останешься таким же, по сути, обычным человеком, как и простые люди вокруг, ни о чем не подозревающие и ошибочно считающие себя вершиной творения.

Юля, наконец, кивнула и вышла. Сергей прикрыл за ней дверь, передал по рации, чтобы смотрели в оба и никого не пускали внутрь, пусть там даже придут регулярные войска. Потом спокойно встал, сложив руки на груди. Серега видел и не такое, за ребят я тоже не переживал, они никого не пустят. А потом просто выбросил все лишнее из головы, сосредоточившись на предстоящей операции.

Поглядев на два трупа, лежащие рядом на ковре, на секунду задумался: кого возвращать первого? И тут же понял, что, конечно, Мага. Женщина — человек, испугается, увидев мертвого мужа, да еще без головы, оно нам надо? Значит, первым пойдет Михаил Голицын. Я опустился на колени перед женщиной и словно бы заключил ее в кокон из энергии творения, чтобы тело и дальше не разлагалось и, более того, постепенно восстанавливались ткани и клетки. Многого, конечно, ожидать не стоит, само собой все не восстановится, но будет проще.

Потом, велев Сереге перетащить тело Голицына на большой стол посредине комнаты, занялся раздербаненной головой. Сложная задача, никогда раньше с подобным не сталкивался, но тем интереснее. Я уложил на журнальный столик в углу все части разрубленной головы, уселся в кресло рядом и задумался. Передо мной три задачи: во-первых, собрать голову заново, а это само по себе невероятно сложно, во-вторых, соединить голову с телом, в третьих, вырастить новый мозг и запустить его. В земной медицине ничто из перечисленного пока невозможно, хотя опыты по соединению головы с телом проводятся довольно давно, годов с семидесятых прошлого века, но пока, насколько мне известно, не очень удачно. Что ж, тем интереснее.

Голова у Голицына была сначала отрублена, потом разрублена напополам, а потом каждая часть еще пополам. Правда, срезы ровные, без сколов, даже не представляю, насколько острым должно быть оружие, чтобы не оставить и малейших зарубок на кости. Что-то типа лазерного скальпеля... хотя, нет, лазер оставляет оплавленные края, а тут словно бритвой, м-да.

Все внимательно осмотрев, я осторожно, руками, освободил осколки черепа от старого мозга, все внутри почистил, потом соединил вместе, подозвал Свечина и велел ему крепко держать собранную голову, стараясь не шевелить даже пальцем, вздохнул и призвал энергию в руки: да случится чудо!

Коттеджный поселок «Холмы» является частью проекта по созданию гольф-курорта компании ЗАО «Холмы Гольф Клуб». Дорога до него заняла чуть больше часа, капитан Павел Шаламов катил на своей Ладе Ларгус и удивлялся, зачем было вести трупы так далеко? Но посетить владение Голицыных по-любому было необходимо, хотя бы для того, чтобы убедиться: трупы имели место быть. Однако чем дальше, тем меньше ему нравилось упорство Лаврентьевой, сам он давно бы плюнул, не став даже пытаться ничего раскручивать: нет тела, нет дела — старое ментовское правило. Единственное, что его останавливало, так это надежда на новый допуск к телу следачки, лишение которого он переживал тяжело, в отсутствии других вариантов. После развода Павел вообще долго не мог сойтись ни с кем, словно отрезало: как он ни старался, почему-то девушки его не словно замечали. Была даже мысль, что бывшая его каким-то образом заболтала, она любила все эти темы со всякими знахарками и прочими ведьмами, но, будучи человеком твердомыслящим и убежденным атеистом, Шаламов эту мысль отверг. И вот, наконец, с полгода назад удалось закрутить с Ларисой, хотя были большие сомнения, что с ней что-то получится, такой она казалась фифой неприступной, но однажды познакомившись на одном расследовании, он пригласил ее на ужин, как приглашал почти всех девушек подряд, не особо надеясь на успех, а она возьми да согласись. Так и пошло-поехало, и все, вроде было неплохо, Павел даже готов был жениться, так молодая следачка вскружила ему голову, вот только у нее, похоже, были свои планы, и связывать себя брачными узами с опером Лаврентьева не планировала. Ему бы, дураку, радоваться, мало, что ли, было одной семейной драмы, а он взбрыкнул, наговорил ей всякого, и она его просто послала на три народные буквы, да и все дела. И сколько он потом ни звонил, сколько ни писал ей, все бесполезно, словно отрезала. Как будто у Ларисы вдруг открылись глаза, она увидела, с кем проводит время, ужаснулась и поспешила от него отделаться.

В это же время Лариса ехала за Шаламовым и тоже думала о нем. Не то чтобы она жалела о своем романе с опером, вовсе нет, но следовать Лаврентьева была девушкой прагматичной, иногда излишне. Павел был ничем не хуже других комитетских и ментов, что ее окружали, вот только она не собиралась связывать свою жизнь с каким-то бесперспективным капитаном. В идеале замуж надо выходить вообще не за мента, а за кого-то, далекого от ее профессии. Дома, в семье она бы хотела отдыхать от работы, а не обсуждать ее, как это было с Шаламовым и еще с одним следователем из Комитета, что был до него. Но если уж и выходить за кого-то из их системы, то хотя бы за такого, у которого была перспектива карьерного роста. Куковать в женах капитана, которому выше майорской звезды ближе к пенсии ничего не светило, точно не предел ее мечтаний. Вот только где найти подходящего мужа, если вся ее жизнь — это сплошная работа, даже в театре уже лет сто не была?!

Лариса вздохнула и, остановившись, вышла из машины возле чего-то типа КПП на въезде в поселок. Шаламов уже там что-то громогласно доказывал охранникам, размахивая удостоверением, а те куда-то звонили.

Лаврентьева подошла поближе и, тоже достав удостоверение, представилась и спросила: — Что происходит? Почему вы препятствуете представителям власти?

Мужчина в новеньком камуфляже с шевроном «Holmi Golf Club» на рукаве внимательно прочитал удостоверение, после чего ответил:

— Извините, товарищ старший лейтенант, но у нас четкий приказ пропускать только по пропускам. Сейчас уже звонят Голицыным, если они дадут добро, поедете. Если нет, то пусть ваше начальство связывается с нашим, — иначе, извините, никак.

Лариса убрала удостоверение и спокойно спросила:

— Вы понимаете, что сейчас нарушаете закон, я могу вас арестовать и привлечь к ответственности?

Тот вздохнул:

— Зря вы так. Тут такие люди живут, с такими погонами, в том числе из вашего Комитета, что, даже если вы меня арестуете, я-то через час выйду, а вот вы от своего начальства получите такой а-та-та, что лучше вам не пробовать, честное слово!

Лариса хотела ответить что-то резкое, уже набрала воздуха, но тут подошел Шаламов и, потянув ее за руку, зашептал:

— Лара, не надо, давай все по-хорошему сделаем.

Руку она отдернула, но все же послушалась, тем более тот, что все это время куда-то звонил, уже шел к ним.

— Разрешение получено, — кивнул он и добавил, — вы сами, наверное, заплутаете. Давайте, я провожу, поезжайте за мной.

И они, разойдясь по машинам, поехали следом за новеньким фордом, на дверце которого была такая же эмблема, что и на шевронах охраны.

Ехали они минут пятнадцать, Лариса смотрела на проплывающие дома за высокими заборами и с тоской думала, что никогда не сможет стать хозяйкой одного из них. Вот почему жизнь устроена так несправедливо: одним всё, а другим ничего? Ей вспомнились слова отца, который любил задавать вопрос: в сравнении, с чем/кем? Он был из тех людей, которые успокаивают себя мыслью, что огромное количество людей живет гораздо хуже. И дочери он всегда говорил: если тебе кажется, что мир к тебе несправедлив, смотри не на тех, кто богаче тебя, а на тех, кто не имеет того, что есть у тебя. А таких, уверял он, намного больше, чем богачей. Лариса с этим никогда не могла согласиться: зачем сравнивать себя с неудачниками, ведь это не дает никакого стимула, чтобы рваться вперед? Но иногда все же понимала папину правоту, ведь и правда, в мире так много людей, кому ее жизнь показалась бы вершиной успеха. А что? — У нее есть квартира, причем, не на дальней окраине города, в однотипных спальных районах, а почти в историческом центре, доставшаяся от умершей бабушки, и которую родители отремонтировали за свой счет по высшему классу. Есть машина, есть образование и работа с перспективой на повышение. Плюс к этому она красива, здорова и еще относительно молода, хотя, — Лариса скривилась от этой мысли, — молодость утекает как песок сквозь пальцы. Многие ее подруги уже замужем и имеют детей. Не то чтобы она им сильно завидовала, но что-то такое сжималось в груди, когда она смотрела на их детишек, что-то древнее, женское, инстинктивное, передаваемое от матерей к дочерям.

Лаврентьева тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли и вспоминая, что некоторые из выскочивших замуж подруг, уже успели развестись и теперь кукуют одни с детьми на руках. Она для себя точно такой судьбы не хотела, но имея аналитический склад ума, все же она следовательно, понимала, что самый надежный брак — это брак по расчету, то есть здесь нужен холодный ум, а не ненадежные чувства, которые сегодня есть, а завтра исчезнут под напором быта. Да, она красива, это ее актив, этим надо пользоваться, но надолго не затягивать, такой актив не вечен. Вот только выбирать было совершенно не из кого. Кто вроде бы подходил, уже был занят, а те, что были сами готовы жениться на ней, не вызывали чувства надежности. Она пыталась рассмотреть в них что-то такое, что предполагало взлет карьеры в будущем, помня, что жены генералов когда-то выходили замуж за лейтенантов, но не находила.

Наконец, «Форд» сопровождения остановился у красивых узорных, словно бы воздушных, но при этом сразу понятно, что очень крепких ворот. Опер со следачкой притормозили рядом и одновременно вышли из машин. Пока другой охранник в стеклянной будке сбоку о чем-то переговаривался с коллегой, потом звонил по телефону, они молча топтались неподалеку. Говорить было не о чем, все было сказано, поэтому они просто ждали. Впрочем, ожидание было недолгим, калитка рядом с будкой охранника открылась, и когда они подошли,

тот сначала внимательно проверил их удостоверения, а потом просто кивнул в сторону двора, добавив, что их ждут.

Да уж, — подумали оба, — даже прислуга здесь чувствует превосходство над ними, но промолчали, лишь с деловым видом гордо проследовали в указанном направлении.

К огромному двухэтажному дому вела широкая подъездная дорога, и, подходя, они с удовлетворением отметили припаркованные возле крыльца гелик, бэхи и бугая со знакомыми номерами. А рядом торчали трое парней с цепкими взглядами, явно чьи-то охранники. Что же, отлично, все подозреваемые на месте. Они переглянулись и удовлетворенно кивнули друг другу: что-то сейчас да выяснится.

Но чем ближе они подходили к дому, тем большее недоумение отражалось на лицах. Дело в том, что на крыльце стоял и дожидался их не кто иной, как сам Михаил Валерианович Голицын собственной персоной, с виду живой и даже невредимый. Увидев их, он спустился с крыльца и пошел навстречу.

— Добрый день, молодые люди! — вежливо поздоровался хозяин дома. — Чем обязан вашему визиту?

Шаламов с Лаврентьевой привычно достали корочки, тот мельком глянул, однако, Павел приметил его цепкий взгляд и не сомневался, что каждая буква их удостоверений прочитана и запомнена. Он уже видел такие цепкие взгляды у матерых оперов, да и у самого был такой же, натренированный подмечать, казалось бы, самые мелочи, которые обычные люди пропускают мимо глаз.

— Я хозяин этого дома, Михаил Валерианович Голицын, слушаю вас внимательно.

Павел взглянул на Лаврентьеву, как бы говорят: ты следовательно, тебе и флаг в руки. И Лариса, понимая, что надо что-то говорить, мысленно вздохнула:

— Понимаете, Михаил Валерианович, сегодня утром неизвестные привезли в морг два трупа, о чем патологоанатом и сообщил в полицию. Они обязаны сообщать, если тела не были оформлены соответствующим образом, к тому же один труп был явно криминальным, с отрубленной головой.

При последних словах она непроизвольно присмотрелась к голове Голицына, словно надеясь увидеть там наспех заштопанные шрамы. Увы, шея в открытом вороте рубашки выглядела совершенно целой. Почему-то вспомнился трюк кота Бегемота в театре Варьете с открыванием и последующим возвращением головы конференсье Жоржу Бенгальскому из недавно пересмотренного любимого сериала, но это уж совсем, согласитесь, здесь ни при чем. Хотя чем-то таким, вроде запаха серы, в воздухе пахнуло, но это уже точно разыгравшееся воображение.

Лариса откашлялась, чтобы скрыть смущение, и продолжила:

— Но когда мы с коллегой доехали до морга, никаких трупов там уже не было. Более того, оба служителя данного учреждения заверяли нас, что их и не было.

— Какая интересная история, — хмыкнул Голицын.

— И не говорите, — согласилась Лаврентьева. — Правда, потом выяснилось, что они не совсем честны, поскольку в телефоне патологоанатома обнаружился исходящий звонок на номер полиции, а игравшие рядом мальчишки видели, как увозили два трупа вот на этих машинах.

И Лариса кивнула на припаркованные неподалеку автомобили.

Голицын нахмурился:

— Вы хотите сказать, что где-то здесь спрятаны трупы?

Следачка пожала плечами и растерянно посмотрела на Шаламова. Тот сразу подхватил инициативу.

— Дело в том, гражданин Голицын, у нас имеются сведения, что трупы принадлежали вашей жене и... — он сглотнул, но все же договорил, уже понимая, что порет полную чушь, — вам.

— Даже так? — хохотнул хозяин дома, но и Лариса, и Павел уловили в его смехе нотку наигранности.

— Прошу вас, — с широкой улыбкой Голицын протянул руки. — Потрогайте меня, не стесняйтесь, убедитесь, я живой.

— Это лишнее, — лицо следачки превратилось в маску, она уже поняла, что каким-то образом села в лужу, но дело надо было доводить до конца. — Но, поймите и вы нас: правила есть правила. Нам нужно удостовериться в том, что вы, тот, за кого себя выдаете. Предъявите, пожалуйста, паспорт.

Голицын демонстративно похлопал себя по карманам, но все же пригласил их в дом, хотя, честно говоря, мог просто послать подальше.

— Прошу следовать за мной, молодые люди, заодно познакомитесь с моей женой и проверите наши документы.

Делать нечего, и они пошли в дом, где в гостиной на первом этаже, словно дожидаясь их (а, может, и правда, дожидаясь? — мелькнуло в голове у Ларисы), сидели в удобных креслах вокруг даже на вид дорогого столика трое: две женщины, постарше и помладше, а также молодой мужчина. Женщины им с Шаламовым уже знакомы по фоткам из интернета, а вот парень, скорее всего, и был тем самым Олегом Виноградовым, владельцем дорогущей бэхи, засветившейся на фото у пацанов, и сейчас стоявшей возле крыльца. Что тут же и подтвердилось.

— Прошу вас, знакомьтесь, — Голицын кивнул на женщину постарше, — моя супруга, Мария Александровна. Рядом с ней наша дочь Юлия, а этого молодого человека зовут Олег Виноградов, он давний друг нашей семьи.

— А это, — он обернулся на вошедших, — господа из полиции и Следственного Комитета, любезно согласившиеся быть нашими гостями.

Сидевшие за столом внимательно рассмотрели на гостей, а вполне живая на вид Мария Голицына, улыбнулась и предложила чай.

— Смелее, садитесь, — ухмыльнулся Голицын. — А я пока схожу за документами.

Лариса с Павлом переглянулись и уселись на свободные кресла. А что им еще оставалось делать, не тупо же стоять посреди комнаты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.